

Последовательно и вразбивку читая книгу, в которой стихи и поэмы Николая Заболоцкого, серьезные и шуточные, а также его переводы, обстоятельные письма, горестные воспоминания, стенограммы выступлений соединились с мемуарами родных и друзей, статьями критиков, фотографиями, я вспомнил вдруг стихотворение Случевского «Про старые годы»: «Над смыслом альбомов старинных, С пучками волос неизвестных, С собранием шалостей чинных, Забавных, но, в сущности, честных. Не смейся! Те вещи служили, Томили людей, подстрекали: Отцы наши жили, любили, И матери нас воспитали!»

Сын поэта Никита Николаевич Заболоцкий выполнил труд составителя бережно и прочувствованно, с благодарной любовью к родителям. Взятый из киносценарной практики прием монтажа позволил привести в должный порядок весь накопившийся ворох бесценных бумаг. Все разделы этой необычной книги прослоены главами обширного «Жизнеописания», принадлежащего перу самого составителя и ставшего отныне основным и сводным источником сведений о Заболоцком. Таким образом, повторен подвиг Андрея Лескова, создавшего нетленную книгу о великом отце.

Не могу сказать, что ничего до этой книги не знал о жизни Заболоцкого... В пылком отклике на мою рецензию, посвященную «евтушенковской» антологии поэзии XX века, мне сообщили, что права писать ее я не имел, являясь одним из 875 авторов-стихотворцев. Кажется, и откликаясь на выход «Огня, мерцающего в сосуде», я совершаю (по этой странной и невозможной в живой литературе логике) проступок. Ведь в числе разнородных свидетельств в книгу вошли целиком и воспоминания моего отца Исаака Синельникова «Молодой Заболоцкий»... Однако в общем корпусе 60-летнего сборника все читается иначе, осмыслиется по-новому. Сомкнулись звенья длинной цепи, исчезли пробелы, дан ответ на отдельные загадки, впервые возникла некая цельность. Во многом эта книга – открытие для всех.

Николай Заболоцкий, последний по возрасту из осуществившихся великих русских поэтов столетия, обделенный при жизни цветами и осыпанный ими в день похорон, заслужил и эту своеобразную, незаменимую книгу, посвященную его памяти. Должно быть, ему пришлось бы по душе эта добросовестная упорядоченность наследия... Поэт кажется обывателям явлением хаоса. Есть, однако, недурной афоризм: «Первый признак гения – толковость!» Заболоцкий – рельефное воплощение этой истины. Сын вятского агронома, потомок многих поколений русских крестьян, вышедший из славяно-финских дебрей хвойного Севера, любивший «нежную дикость» древнерусской архитектуры и над страницами «Слова о полку» радовавшийся «счастью быть русским человеком», он вместе с тем был горожанином, идущим по Невскому проспекту, открытым рационалистом, любителем важной латыни, протяженных иностранных слов, «западником»... Пожалуй, даже германофилом (была такая порода русских людей, к ней принадлежал, например, Чехов). В этаким приземленном «западничестве» содержалось, по мнению Розанова, робкое пожелание, «чтобы улицы все-таки подметались». Дерзостно-гениальные «Столбцы» – опровержение хаоса и распада, книга во славу толковости, ос-

Моек. новости,
-1996.-
1-14 янв.
-с. 37

ПОЭЗИЯ

Корни сердца

К выходу сборника Николая Заболоцкого
«Огонь, мерцающий в сосуде».

мысления бытия, гармонии, работоспособности, дисциплины, основательности, сурового постоянства... Увы, эти свойства души и характера неганданным образом еще пригодились автору и спасли ему жизнь в сталинском концлагере.

Комментарии к жизни поэта непретенциозны. Безыскусный рассказ его сына замечателен благородством тона. Найдены единственные, нужные слова для объяснения многосложных житейских ситуаций. Мы призывали к тому, что спорящие наследники наших классиков беспощадны в сведении фракционных счетов. Повествование Никиты Заболоцкого станет в ряд самых проникновенных мемуарных книг, написанных бескорыстно и деликатно. «Какие прекрасные лица, И как это было давно...» Чудесен образ матери, Екатерины Васильевны. Ее одухотворенное лицо и подвиг жизни вызывают в памяти бесконечно милые черты самых чистых и самоотверженных женщин русской старины. Слово видишь Наталью Долгорукову, роковокские портреты, «Капитанскую дочку»... Все, что любил в живописи и в родной истории Заболоцкий. А его окружали «лица, подобные пышным порталам». И все же везде и всегда он находил преданную дружбу и увлеченных читателей и любовью платил за любовь.

Эта книга свидетельствует не только о роковой роли внешних обстоятельств в судьбе поэта, об упорстве его наемных врагов и коварстве мнимых друзей. Она говорит о достоинстве и человеческой доброкачественности, о будничном, неподдельном величии личности. И потому так трогательны бесчисленные удивительные подробности мученической жизни Заболоцкого. Исповедь самого поэта («История моего заключения») ужасает. Бесконечное круглосуточное следствие в «доме пыток», избиения, бессонница, сумасшествие... И при этом следующее воспоминание Заболоцкого: «Мне сейчас трудно определить мое тогдашнее состояние, но помнится, я чувствовал внутреннее облегчение, торжество свое перед этими людьми, которым не удалось сделать меня бесчестным человеком». Его изломали, запугали, научили навтыжку стоять перед начальством, лишали хлеба и воды (чтобы утолить жажду, пришлось лизать черные сосульки на потолке вагона), превратили в мешок костей, а он еще настаивал на чести и совести. Таков он был и

Николай Заболоцкий.

баржу. Баржа затонула посреди Амура. Потом везли через реку оставшихся, и они все думали: не пойдет ли ко дну и эта баржа... До конца дней Заболоцкий страшился большой воды и не верил в прочность лодочного днища.

Дружба с армянским юристом Г.Г.Татосовым, изучение армянского языка в зоне... Встреча с молодыми поэтами в камере... Свидетельство сокамерника М.М.Гиндилиса: «...Убеден в привлекательности душевных качеств Николая Алексеевича не только как поэта, но и человека». Я вспомнил, как старый грузинский символист, человек европейской культуры, Колау Надирадзе, тоскуя о Заболоцком, воскликнул: «Коля! Это был душа-человек!»

Ошеломляет письмо руководства саранского строительства ИТЛ НКВД в московский Союз писателей, рекомендующее Заболоцкого как поэта и переводчика, которому место в литературе. Но Союз писателей испугался такой рекомендации и медлил, медлил... Это только подтверждает простую догадку о том, что наши так называемые писатели, аппаратчики («творческого» союза, всегда были хуже и гаже и властей, и полиции. Недаром в сравнительно либеральные времена руководство Союза писателей сочло несвоевременным выполнение пожелания генсека Черненко о сохранении дачи Пастернака. Невероятно, но факт.

Заболоцкий виден со всеми его несбывшимися надеждами, опасениями, пристрастиями, предубеждениями. Поклонение Пастернаку и нелюбовь к Ахматовой. Несправедливая, конечно, но... Так, наверное, поглядел бы Гесиод на Сафо. Или даже скорее – Лукреций, а именно Лукреций русской поэзии и стал автор

«Торжества земледелия». Певец Петрограда, но пора сказать кому-нибудь, что именно он был «последним поэтом деревни», великим крестьянским поэтом. Многие противоречиво сочетались в этом крупном самородке.

Заболоцкий часто пел «Выхожу один я на дорогу». Явно под влиянием бессмертных перомонтовских стихов написано стихотворение «Наступили месяцы дремоты...», полное сожалений, отчаяния, говорящее о готовности к уходу. Считается, что тяжкая жизнь загубила творчество Заболоцкого, лишила первородства, привела к упрощению. Конечно, отчасти это справедливо. Но жизнь поэта трагична и без внешних потрясений. Поэзия Заболоцкого по природе своей должна была пройти через циклы и фазы метаморфоз. Как и автор «Второго рождения», Заболоцкий искренне желал соприкосновения с новой действительностью. Его прекраснейшие шедевры были итогом плодотворного компромисса. Композиционно близкая к «Цирку», «Горькая симфония» – торжество поэтики Заболоцкого, торжество царственного русского слова. Заболоцкий не стал приспособленцем, увлекшись столь родственной себе сказочной темой: взросление и воспитание родной природой бедного мечтательного мальчика, из которого вырастает исполин... Критики, которых он называл не иначе как «марксятами», решением темы не удовлетворились. «Искажение детства вождя» стало пунктом обвинения.

На деле его жизнь и до ареста была трудна и тревожна. Но в письмах из лагеря, в увлеченных описаниях дальневосточной природы все усиливается нота притягивающей судьбы, смиренная перед ее волей, оторвавшей поэта от некоторой душевной лени, успокоенности, самодовольного благополучия, даровавшей невиданные зрелища и прозрения. Его страшит этот путь страданий, но, кажется, поэт близок к оправданию providentia: «И куда ты влечешь меня, Темная грозная муза. По великим дорогам Необъятной отчизны моей? Никогда, никогда не искал я с тобою союза. Никогда не хотел Подчиняться я власти твоей, – Ты сама меня выбрала. И сама ты мне душу пронзила. Ты сама указала мне На великое чудо земли...» Пожилый Генрих IV, лишившийся единственно любимой Габриэли, вымолвил: «Корни моего сердца иссушены!» Сердце Заболоцкого до конца было живым. Но... как писал он одному знакомому: «Здоровье моего сердца осталось в содовой грязи одного сибирского озера». Он умер в возрасте пятидесяти пяти лет, а для члена Союза советских писателей это – пионерский возраст. Ему просто не хватило двух или трех лет жизни для того, чтобы явиться в новом качестве, соединить в задуманных вещах одинаково поучительный опыт ранних удач и поздних поражений. Так иногда из обломков и на руинах строится башня, более прекрасная, чем ее предшественница. О возможной и, к сожалению, не состоявшейся удаче свидетельствуют лишь самые последние стихотворения.

Никита Заболоцкий создал книгу о судьбе семьи, о судьбе страны. Чтение рождает смешанное чувство негодования, жалости, ликования, очищения. Вызывает неожиданный прилив веры и любви к России.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ